

ческих отношений, по его мнению, падает на I в. до н. э. — I в. н. э. Позднее рабовладельческий способ производства перестает быть прогрессивным. В заключение В. И. Кузищин вносит предложение об организации дискуссии о времени наивысшего расцвета рабовладельческого способа производства.

По докладу М. Е. Грабарь-Пассек выступил С. Л. Утченко (Институт истории АН СССР). Не оспаривая основного вывода докладчика о том, что Цицерон никогда не был ренегатом по отношению к популярам, поскольку никогда популяром не был, он остановился на анализе терминов *populares* и *optimates*. Общераспространенная точка зрения на оптиматов и популяров как на политические организации побилитета и плебса, «партии», является, по его мнению, неудовлетворительной, не подтвержденной источниками.

Проследив словоупотребление Цицерона и применение им термина «*optimates*», С. Л. Утченко приходит к заключению о том, что Цицерон не рассматривал оптиматов как политическую группировку. В связи с этим пересмотра и уточнения содержания требует и термин «популяр».

Затем выступил В. М. Смирнов (Издательство АН СССР). Нельзя не согласиться с тезисом М. Е. Грабарь-Пассек, — сказал он, — об отсутствии резкого перелома в развитии политических воззрений Цицерона, однако аргументация отдельными высказываниями из речей не всегда надежна. Сам Цицерон предостерегал против желания видеть в речах ораторов отражение их собственных взглядов. В частности, при попытке охарактеризовать точку зрения самого Цицерона на события 80-х годов до н. э. требуется установить, что является данью условиям произнесения речи. Так, едва ли можно придавать серьезное значение выпадам Цицерона против противников Суллы. Напротив, можно найти данные, позволяющие предполагать, что Цицерон сочувственно относился к наиболее умеренной части сторонников Цинны (вопрос о составе враждебной Сулле «партии» сам требует уточнения), так же как и к примирительно настроенной группировке сената.

С. Я. Шейнман-Тонштейн (Издательство АН СССР) посвятила свое выступление литературоведческим взглядам Цицерона. В дополнение к докладу Ф. А. Петровского она отметила, что Цицерон высказывал весьма интересные соображения по вопросам поэтического творчества, имеющие самостоятельное теоретическое значение. Примером тому может служить его трактат «Оратор». С. Я. Шейнман-Тонштейн выдвинула ряд проблем, требующих специального изучения: о связи литературных идей Цицерона с его политическими взглядами и литературно-идеологической борьбой его времени, о философских источниках эстетических воззрений Цицерона, о его просветительских тенденциях. Все это, — заключает выступавшая, — делает тему «Литературно-эстетические взгляды Цицерона» очень перспективной.

Н. Борщ

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ САХАРЫ

Книга известного ученого и знатока Сахары Анри Лота — «Доисторическая живопись Сахары»¹ является предварительным кратким отчетом об интереснейших открытиях, сделанных руководимой им экспедицией в 1956—1957 гг. в Тассилийском массиве, расположенном между оазисами Джане и Ра, недалеко от Ливийской границы. Выход книги был приурочен к выставке материалов этой экспедиции,

¹ Peinture préhistorique du Sahara. Mission H. Lhote au Tassili, P., Musée des Arts Décoratifs, Novembre 1957 — Janvier 1958.

в первую очередь многочисленных копий с древних росписей, значительно расширивших наше представление о первобытном искусстве Сахары. Выставка заслуженно пользовалась огромным успехом.

Первые наскальные изображения в Тассили были случайно обнаружены в одной из пещер еще в 1909 г. Следующая небольшая группа наскальных росписей была открыта в 1912 и затем обследована в 1925 г. В конце 20-х и в 30-х гг. были сделаны еще некоторые находки первобытной живописи, и вышло несколько трудов, посвященных наскальным гравюрам и росписям Африки². Но только почти четверть века спустя, в 1956—1957 гг., удалось организовать длительную экспедицию, проработавшую в Сахаре 16 месяцев под руководством А. Лота. Результаты ее превзошли самые смелые ожидания: было найдено несколько тысяч живописных изображений, насчитывающих до шестнадцати слоев, что дало огромный материал по истории первобытного общества и его искусства. В самых, казалось бы, необитаемых местах были открыты наскальные росписи в таком количестве и такого разнообразия стилей, что, пожалуй, Сахару надлежит признать теперь самым крупным центром доисторической живописи в мире.

Подробное изучение добытого материала потребует еще многих лет работы. Но уже сейчас А. Лот считает возможным наметить следующие этапы создания наскальных изображений, относящихся к различным эпохам первобытного общества.

В результате исследований последних тридцати лет было установлено, что Сахара не всегда была пустыней и что в далеком прошлом ее географические условия были более благоприятны для жизни. Пролетающего на самолете над Сахарой человека поражает не только отсутствие растительности, но и огромное разветвление сухих лощин, бороздящих ее однообразную поверхность цвета жженой глины. Извивы этих лощин, прорезающих горные плато и невысокие равнины, не случайны, — они некогда были полноводными реками. Некоторые из них относились к бассейнам Нигера и Чада, другие впадали в такие закрытые бассейны, как Шотты и Арауанская впадина, к северо-востоку от Тимбукту.

Свидетелями этого прошлого являются рыбы и амфибии, до сих пор населяющие озера Тассили, Хоггара, Мавританского Адрара. Еще недавно в Тассили водились крокодилы, и до сих пор они попадаются в Мавритании. Некоторые виды растений умеренного климата, встречающихся в средиземноморском бассейне, сумели противостоять засухе: на вершинах Тассили и Хоггара, где высота немного смягчает страшную жару, все еще растут кипарисы и дикие оливковые и фисташковые деревья.

Исследователи Сахары обнаружили там много следов пребывания человека: попадались то каменные полированные топоры, то кремневые наконечники стрел, то обломки древней керамики. Обычно эти находки сосредоточены вдоль древних долин, в совершенно пустынных местах, где теперь невозможна никакая жизнь.

По мнению А. Лота, Африка была колыбелью человечества не в меньшей мере, чем Европа. Густота ее населения в эпоху раннего палеолита достигала большой плотности, что доказывают разбросанные повсюду — от горных массивов, вдоль долин до самого океанского побережья, тяжелые орудия техники двухсторонней оббивки. Чаще они встречаются разрозненно, но их находили и на стоянках вместе с золой и остатками пищи. Среди последних были обнаружены кости древнего слона, большого гиннотамы, древнего буйвола, зебры, рыбы из породы сомовых и других исчезнувших видов.

Люди этой эпохи жили охотой, рыбной ловлей и сбором ягод и злаков. К какой расе

² См. G. Fl a m a n d, *Les Pierres Ecrites*, Paris, 1921 (о наскальных гравюрах Южного Орана и Сахары); H. W i n k l e r, *Rock-Drawings of Southern Upper-Egypt* (название работы дано по книге А. Лота (см. ссылку 1-ю); Th. M o n o d, *L'Adrar Ahnet.*, Paris, Institut d'Ethnologie, 1932; H. B r e u i l et H. L h o t e, *Les Roches Peintes du Tassilin-Ajjer*, Paris, Arts et Metiers Graphiques, 1954 (каталог росписей Тассили, открытых в 30-х годах).

они принадлежали, пока точно не установлено, поскольку вместе с этими орудиями не было найдено ни одного человеческого скелета. А. Лот предполагает, что они принадлежали к той же расе, которая населяла тогда Северную Африку и которая стала известной по находкам в Паликао, где проф. Арамбур раскопал несколько нижних челюстей, близких по типу к челюсти питекантропа.

Орудия типа мустьера и леваллуа, сменившие шельско-ашельские, сосредоточены в Сахаре главным образом в ее северной части. Они встречаются гораздо реже, что указывает на сокращение населения Сахары в эту эпоху. Что касается позднего палеолита, то характерных для него орудий дошло совсем мало.

Но в следующий период люди вновь заполняют все пространство между Атласом и Нигером, долины и горы заселяют многочисленные племена. Это происходит в эпоху неолита с его полированными топорами, кремневыми наконечниками стрел и гончарными изделиями. Во всех районах Сахары находят тысячи разных предметов этого периода, указывающих на многочисленные волны переселения народов с различным образом жизни. Наиболее густо заселены были долины, где можно было заниматься и рыбной ловлей, и земледелием. На юге Хоггара, в Танезруфте, Тенере были открыты древние рыбачьи поселения, засвидетельствованные огромными скоплениями рыбных отбросов и ракушечных створок.

Несколько раскопанных в этих селищах скелетов показывают, что их населяли негры. Найденные в других низких местах топоры с поперечными лезвиями, которые могли служить мотыгой, позволяют предположить зачатки земледелия. Большую долю в питании составляли злаки — то ли просто собираемые, то ли возделываемые, — это доказывают многочисленные жернова, дробилки и обломки посуды из обожженной глины, находимые вблизи древних селищ. Наконечники стрел говорят о широком развитии охоты. Они попадаются везде, как в долинах, так и на горах, куда забирался охотники в погоне за дичью. Вплоть до последнего времени ничего определенного не было известно о приручении в Сахаре домашних животных, и только вновь открытые экспедицией А. Лота росписи дали об этом яркие свидетельства.

Археологические данные позволяют А. Лоту проследить затем постепенное уменьшение объема воды в реках и начало их усыхания. Начинается образование многочисленных озер, на которые распадается обмелевшие реки; вода застаивается в низинах. У этих озер, в Ин-ури и в районе Арауана, найдены следы селищ; население перебирается с отрогов гор все ниже к отступающей воде. В их пищевых отбросах водная фауна почти отсутствует. Шаг за шагом наступает пустыня, и жизнь сосредоточивается в последних сырых низинах, где возникают немногие оазисы, или в горах, где условия становятся все суровее из-за уменьшения питьевых источников и растительности.

Таковы исторические условия возникновения наскальной живописи в Сахаре, как их излагает Лот в своей книге. Последовательность слоев тассилийских росписей рисуется ему соответствующей основным этапам первобытного общества. Однако относительно датировки отдельных периодов мнения французских ученых расходились. Одни относили самые древние наскальные изображения к палеолиту, другие — к неолиту. В настоящее время большинство склоняется к последней точке зрения, поскольку в непосредственной близости к росписям не было найдено ни одного палеолитического орудия и очень много — неолитического типа.

К неолиту А. Лот относит изображения эпохи охотничьего хозяйства, которые он датирует примерно IX—VI тысячелетиями до н. э., затем следует ряд слоев, вплоть до живописи, соответствующей эпохе пастушеского скотоводства, начинающейся около V тысячелетия до н. э. Значительно позже появляются изображения лошади, приблизительно к 1200 г. до н. э. (Верблюд был ввезен с Аравийского полуострова всего за несколько десятилетий до н. э. и лишь в связи с усилением засухи стал вытеснять коня.)

Самыми древними изображениями, по-видимому, являются маленькие фигурки, написанные лиловой охрой, с крайне схематично трактованным телом и круглой, преувеличенно большой головой, украшенной иногда рогами или чем-то вроде перьев,

Одежда обычно сводится к набедренной повязке с двумя или тремя свешивающимися концами. Характер вооружения различен. Чаще вооружение состоит из палки, лука и копья большого размера (в полтора человеческих роста). Изображения животных довольно редки, среди них можно отметить слона и муфлона. Необычный круглоголовый тип человека очень характерен для первобытной тассилийской живописи;

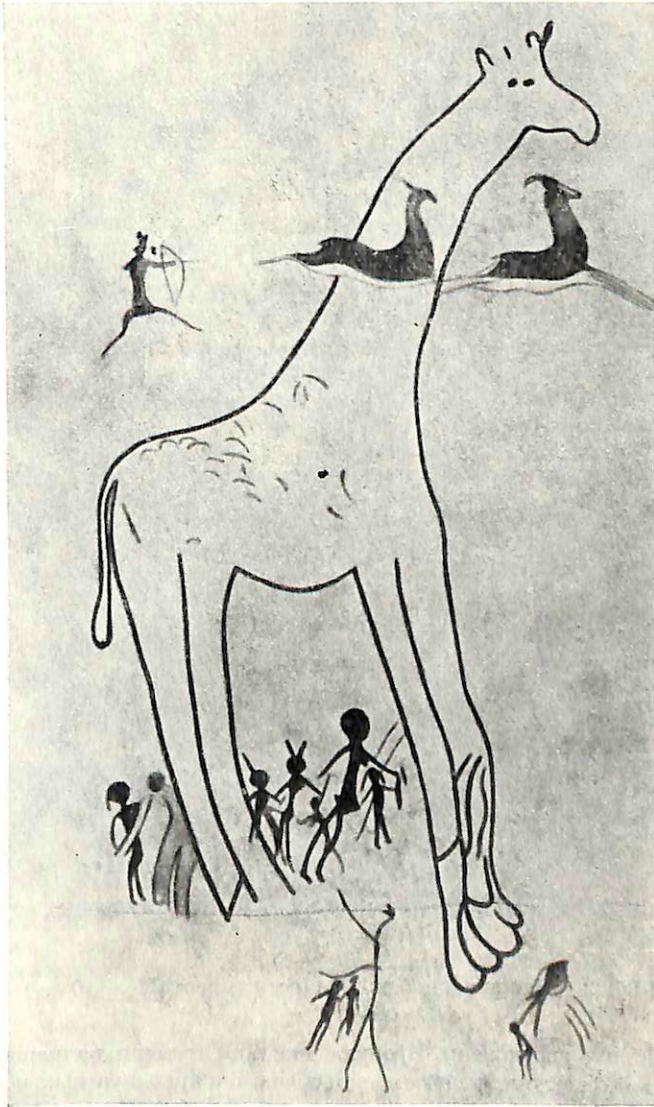

Рис. 1. Наскальная роспись в Аудефу. Наиболее древний слой — изображение круглоголовых человечков. Второй слой — жирафа; третий, относящийся к пастушескому периоду, — охота на антилоп (высота 1 м 20 см)

он встречается в нескольких последовательных слоях. Первые слои с изображениями круглоголовых людей соответствуют очень раннему неолиту, не знавшему еще ни жернова, ни глиняной посуды. Главным орудием той эпохи, датируемой приблизительно

IX тысячелетием до н. э., являлся грубо обделанный топор. Живопись этого слоя почти всегда монохромна.

С появлением полихромной живописи намечается эволюция. Круглые головы у фигур сохраняются, но туловище уплотняется. Прежняя условность изображения, сводившая человеческую фигуру к нитевидным линиям, постепенно исчезает. Всё же члены

Рис. 2. «Танцовщица» из Ауанрета (высота 1 м 10 см)

тела обобщены и мало расчленены. Изображение, как правило, закрашивается желтой, желто-зеленоватой, светло-красной охрой и обводится ярко-красным контуром. Кроме человеческих фигур, встречаются изображения слонов, бегемотов, антилоп, муфлонов.

Качество рисунков следующей стадии значительно выше. Человеческие фигуры отличаются изяществом форм, утонченностью деталей прически, украшений. Последние состоят из ручных и лодыжных колец, поясов, головных уборов, перьев, нательных рисунков — на груди, животе, ляжках, ногах, руках, — которые являются или татуировкой или раскраской. Эти нательные украшения в виде правильных рядов точек удивительно напоминают современные украшения народностей Верхнего Нила и Центральной Африки, что неопровержимо свидетельствует о негроидном характере фигур. Декоративность этих изображений также близка к искусству негров своей строгой линейностью и горячими тонами раскраски.

В конце этого периода, по мнению А. Лота, проявляется египетское влияние, о котором можно судить по ряду мастерских изображений. Такова, например, «танцовщица» из Ауанрета, с украшениями на руках, поясе и ногах, состоящими из длинных тонких тесемок или кожаных ремешков, образующих нечто вроде бахромы. На голове

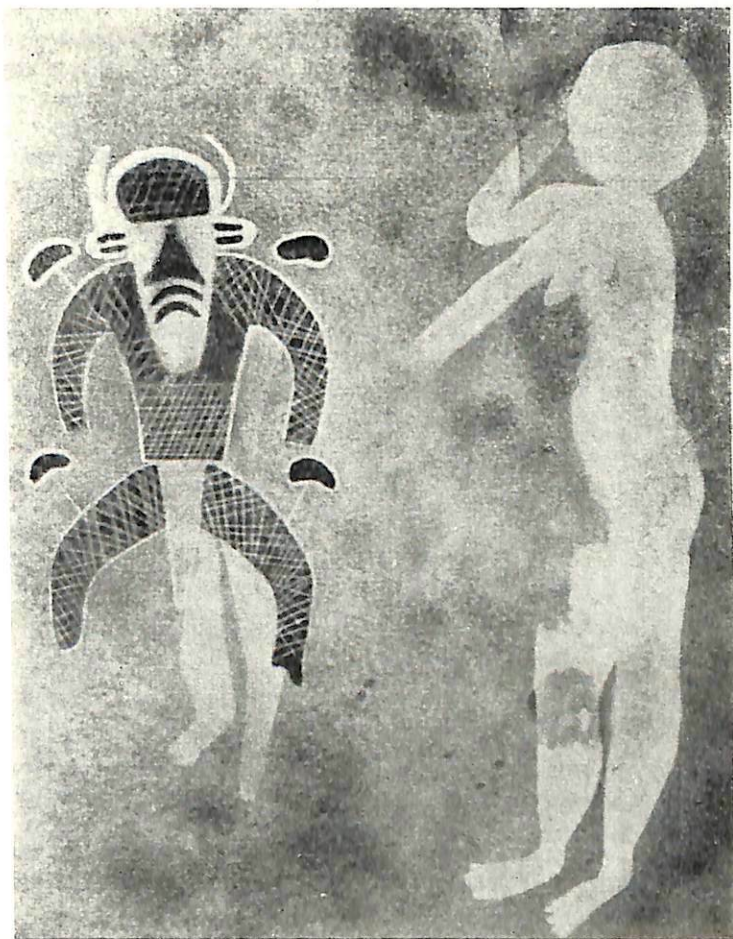

Рис.3. Наскальная роспись в Ауанрете. Человек в стилизованной маске негритянского типа. Справа от него — более древнее изображение белой фигуры круглоголовой женщины (высота 1 м 20 см)

у нее рога, как бы поддерживающие хлебное поле, с которого осыпаются зерна. На руках у «танцовщицы» надеты рукавицы с длинными развевающимися завязками. Лот высказывает предположение, что это — одна из богинь земледелия, связанная с культом плодородия.

К этому же периоду, археологические границы которого пока трудно определить, относится ряд изображений, содержание и манера исполнения которых резко отличается от других. Это прежде всего найденный в Ауанрете рисунок человека с согнутыми ногами и в одетой на голову негритянской маске. Все его тело, раскрашенное красной охрой, разграфлено тонкими белыми линиями. Маска принадлежит к типу, до сих пор употребляемому во время анимистических церемоний у народностей Сенуффо, населяющих Берег Слоновой Кости. Открытие этого изображения в Тассили имеет

большое значение, ибо благодаря ему теперь известно, что маски для ритуалов анимистического характера появились уже в первобытную эпоху. Кроме того, это свидетельствует о том, что область расселения негров ранее распространялась далеко на север от той зоны, которую они занимают теперь.

Крайне загадочно содержание другой композиции, найденной в Ауанрете. На ней мы видим плывущую женщину с вытянутыми членами и с грудями, изображенными на спине. Она увлекает за собой другую фигуру, согнутую в зародышевом положении. Еще одна появляется из яйцевидного тела, украшенного концентрическими кругами. Принимая во внимание, что эта композиция находится в окружении росписей, отмеченных египетским влиянием, А. Лот высказывает предположение, что ее следует связать с эсхатологическими представлениями древних египтян о загробном путешествии в потустороннем мире.

Рис. 4. Полихромная роспись пастушеского периода в Джаббарене (длина 3 м)

Наконец, сюда же относится одно из лучших по художественным качествам изображений: сидящая женщина, с тонким, почти греческим или египетским (?) профилем и изящной линией рук. В этом слое живописи, наряду с реалистически переданными фигурами, встречаются стилизованные маски, что заставляет предполагать, что население Тассили той эпохи одновременно испытывало как греко-египетское, так и негритянское влияния.

Последний слой с изображениями круглоголовых людей явно уступает предыдущим в художественном отношении. Рисунок в них груб, формы тяжелы, детали не разработаны. Техника примитивна и сводится к контуру. Характерным изображением этого периода является шестиметровое изображение «чудовища» с головой, похожей на скафандр. Это самый крупный из известных памятников первобытной живописи. Другие человеческие фигуры той же манеры, найденные в Сефаре, достигают трех метров. Кроме человеческих фигур, в этом слое встречаются многочисленные животные: изображения слона, жирафа, дикого быка, антилопы, муфлона, льва, страуса. Некоторые из этих изображений играли, вероятно, магическую роль, так как часто на них рядом с животными находятся женщины с руками, поднятыми вверх в знак почитания или заклинания. Иногда встречаются фантастические чудовища: животные, украшенные гирляндами, лапчатые рыбы, символические диски, снабженные рогами или клешнями с длинными разветвлениями, антилопа с туловищем слона. Несомненный религиозно-магический характер имеет громадное, размером в 30 м² изображение из Сефара. В центре этой композиции находится человеческая фигура в 3,25 м, в головном уборе с двумя вертикальными придатками, похожими на уши животного. На запястьях и локтях у нее браслеты, руки и ноги расставлены; сзади подвязан огромный накладной хвост, если только это не конец набедренной повязки. Направо от этой центральной

фигуры изображена лежащая на спине женщина с раздвинутыми ногами. Необычное положение и вздутый живот говорят о том, что она собирается рожать. Налево — процессия женщин с поднятыми руками как бы заклинает центральную фигуру, по всей вероятности божество. Сцена может быть истолкована, как заклинание счастливых родов или как связанная с культом плодородия.

Интересно отметить, что сцены предстояния почти всегда находятся в крутых высоких убежищах или пещерах со свободным доступом, напоминающих святилища или

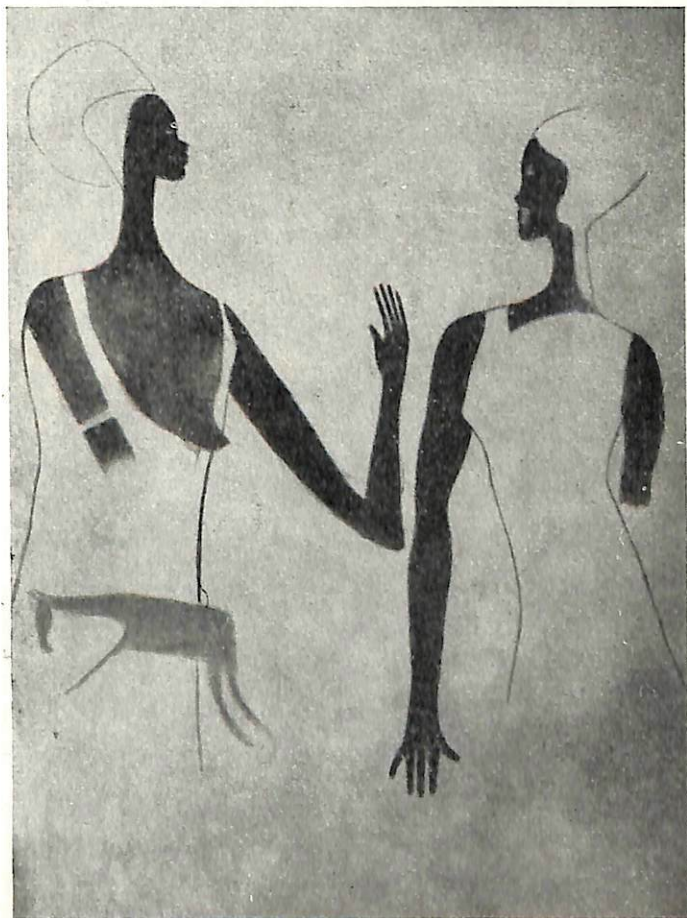

Рис. 5. Наскальное изображение женщин из Джаб-барена пастушеского периода (высота 1 м 20 см)

примитивные храмы. Раскопки пола в них позволили обнаружить древесный уголь, возможно, след жертвоприношений.

Следующий слой наскальной живописи отражает большие перемены, происшедшие в жизни Тассили. Страну наводнили новые народности, кочевавшие с большими стадами быков. Этнически они не имели ничего общего с предшествовавшими негроидами. Они появились в Тассили приблизительно в конце V тысячелетия до н. э. Стены укрытий покрываются живописью нового содержания, выполненной в новой манере.

Это — изображения человека и животных, небольшого размера, переданные значительно более реалистично, чем в предыдущих слоях, с меньшей условностью. Не-

обычайная наблюдательность особенно сказывается в мастерской передаче движения и тонкой детализировке форм. Чаще всего встречаются изображения быков, еще не ожиревших на огороженных травянистых пастбищах, а перегоняемых по степным просторам. Это прекрасные подвижные животные с гармоничными и легкими формами и длинными

Рис. 6. Роспись в Гамрите. Антилопы. Пастушеский период

изогнутыми рогами. Они обычно изображаются большими стадами, идущими в сопровождении пастухов.

Кроме быков — двух пород — *bos africanus* и *bos brachyceros*, домашними животными были баран и коза, но этот мелкий скот, по-видимому, не занимал важного места в хозяйстве, судя по тому, что его изображения встречаются гораздо реже.

Наскальная живопись скотоводческого периода не имеет религиозно-магического характера. Художники этой эпохи просто воспроизводили повседневную жизнь: пастушеские сцены, сцены хозяйственной жизни, охоты, войны, танца. Встречаются

изображения женщин с посудой, мужчин с топором в руке, спящих детей, людей, собравшихся в кружок, женщин, работающих в поле. Впрочем, ряд фигур с зооморфной головой говорит о том, что анимистические верования были распространены и в эту эпоху.

Жили скотоводы, как об этом свидетельствует их живопись, в продолговатых хижинах из соломы или плетенки. Такие овальные хижины с подставками для круглых глиняных сосудов встречаются и сейчас в зоне Судана. Изображения женщин, работающих на поле, говорят о том, что пастушеские племена занимались также земледелием.

О военной деятельности, сводившейся к похищению или охране стад, рассказывают многочисленные изображения лучников. Распространены сцены нападения противника на стадо и ожесточенное сопротивление людей, охраняющих его. Главным оружием был лук, для охоты употреблялся также дротик.

Различные формы одежды и головных уборов позволяют предполагать, что пастушеские племена приходили несколькими волнами. Человеческие профили на изображениях этой эпохи иногда европеоидные, иногда явно негроидные или же смешанного типа. Различия в манерах живописи также указывают на факт существования групп различного происхождения.

Как правило, изображения пастушеского периода небольшого размера, но встречаются и фигуры почти в натуральную величину, среди которых есть произведения исключительного мастерства. К ним относится найденное в Джаббарене изображение женщины с головными уборами, напоминающими уборы женщин Западной Африки. Их профиль позволяет скорее отнести их к народностям Верхнего Нила, чем к неграм. Необычайно живо и естественно передана фигура сидящей женщины с отвислыми грудями, найденная в одном из укрытий Сефара. Это одно из самых выразительных изображений человеческого тела в первобытном искусстве.

Любопытно отметить, что в живописи пастушеских племен мы сталкиваемся с изображением типично египетской барки со знаками «номов» на носу. Это говорит о том, что племена скотоводов имели связи с египетской культурой и что, по всей вероятности, они пришли с востока. Все же открытие в Джаббарене двух очень египтизированных композиций явилось для А. Лота неожиданностью. Одна из них представляет четырех богинь с птичьими головами, другая — сцену приношения. По мнению А. Лота, первая композиция соответствует периоду XVIII династии в Египте, т. е. относится к середине II тысячелетия до н. э. Находка позволяет думать, что египтяне проникли на запад от Нила гораздо дальше, чем это раньше предполагалось. Однако возможно, что фрески были сделаны тассилийцами, знакомыми с египетской культурой, или же пленными египтянами.

Поздних росписей — с верблюдами и конями — в районе работ экспедиции почти не было открыто.

Все новооткрытые экспедицией А. Лота материалы имеют исключительное значение для изучения прошлого Сахары, но возможность дальнейших находок далеко не исчерпана, а обработка тассилийских данных только начата.

По мнению А. Лота, самым существенным результатом экспедиции является открытие ряда новых слоев, располагающихся между ранее известными древнейшими слоями и живописью пастушеских племен. Они соответствуют довольно продолжительной эпохе, в которую Сахару населяли негры. По мнению А. Лота, первые негроидные слои не имеют никакого сходства с франко-кантабрийским первобытным искусством, с одной стороны, и с искусством Южной Африки — с другой. Таким образом, должно отпасть выдвигавшееся раньше предположение о связи первобытного искусства Европы с искусством Южной Африки.

Открытия в Сахаре дают новый, чрезвычайно интересный материал для изучения древнейшей истории Северной Африки.

Е. Некрасова, М. Толмачев